

НАДЕЖДА МАМАЕВА

ТЫКВА ОСОБОГО

НАЗНАЧЕНИЯ
ДЛЯ ТЕМНОГО

Надежда Мамаева Тыква особого назначения для темного

<https://litres.ru/74676062>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы выиграть, нужно поставить на дохлую лошадь.

Чтобы разобраться, как уничтожить одну нежить, нужно поднять из могилы другую.

Чтобы найти свою любовь, нужно многое потерять.

И лишь одна тьма знает, что сводит двоих не всегда судьба. Порой они встречаются вопреки ей.

Я — некромантка и привыкла иметь дело с мёртвыми. Он — королевский клинок, могущественный чародей, способный заставить трепетать живых одним взглядом.

Его боятся. Его сторонятся. О нём предпочитают говорить шёпотом, а при встрече — поскорее убираться с дороги.

Только почему рядом с этим мужчиной моя собственная тьма чувствует себя так вольготно?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Тыква особого назначения для темного

Глава 1

Бывалые утверждают, что на скачках не стоит ставить надохлую лошадь. Но что эти советчики понимают в некромантии?

Моя кобыла шла ходко, выбрасывая копыта вперед так, что те взрывали землю, взметая охру и золото опавших листьев. Ближайший соперник отставал уже на целый корпус.

И все это — на фоне сквозистых грабов и кленов, чьи кроны виднелись на другом конце поля, отделявшего этот лесок от городского предместья. К слову, моя лошадь тоже была того... Сквозистой и с сидевшим в седле тыкванутым наездником, задача у которого была до безобразия проста: добраться до финиша и не развалиться по дороге.

Ах да, еще кобыла не дышала. По той простой причине, что была решительно мертва. Настолько, насколько вообще может быть мертв скелет, с которого сошла вся плоть (не без моей, между прочим, помощи). Зато вместо нее отлично расходовала воздух толпа зрителей. Тратя его в основном на крики, улюлюканье и возмущения:

— Откуда вообще этадохляга? — вопил во всю луженую

глотку детина, стоявший рядом.

— Может, дохлая, зато первая-первая идет! — возражал ему какой-то заморыш.

— Это против правил! — ярился в первом ряду пан, видимо, поставивший не на ту, в смысле не на мою, лошадь.

— Где эту погань вообще откопали? — негодовала дородная пани, потрясая разом и своими телесами, и басом.

Хотя насчет «где» я даже точный адрес могилки могла дать... Могла, но не хотела, а лишь смотрела на свою гремучую (ибо гремела она костями знатно) красавицу.

Впрочем, молча следила за ней не я одна.

Чуть поодаль от галдящей толпы, рядом с древком шляхетской хоругви, которую осенний ветер трепал так, словно пытался сорвать с той родовой герб, возвышалась какая-то темная личность. И она мне заочно не нравилась. Ибо смотрела на Крулевну без негодования и азарта, положенного простому зрителю, или хотя бы удивления. А заинтересованно так, словно планировала лошадку свести в лучших цыганских традициях, не иначе.

Эта самая личность задумчиво потирала подбородок с короткой густой щетиной цвета перца с солью, была облачена в червонный жупан, широка в плечах и высока. Прикинула — я этому типу макушкой в лучшем случае до переносицы достану. И то, скорее всего, в прыжке.

Темные волосы соглядаята на висках уже успела тронуть седина. Добавить к этому резкие, словно высеченные из кам-

ня черты лица, волевой подбородок, морщинку, что залегла меж разлетом соболиных бровей, тонкий алый след недавнего шрама на загорелой щеке... Одним словом, на придворного лощеного красавца пан похож не был. А вот на того, кто может убить одним взглядом в самом прямом смысле этого слова, — был. Ибо с темными магами такое порой случается. А то, что мрак от типа расползлся во все стороны, — я и со своего места чуяла. И простой люд, что стоял рядом с этим чародеем, — тоже. Только подспудно, не понимая, в чем дело, дара ведь нет, но все равно ощущая...

Вон как от него все отодвинулись на почтительное расстояние. Ибо хоть толпа зрительская и тесна, но придет темный — и место ему всегда найдется. Даже круг целый для привольности... Правда, для этого надо, чтобы дар был изрядным. Мой-то — серединка на половинку — люди и не чуяли даже.

Потому меня локтями порой подпихивали в азарте или когда просто протиснуться кому ушедшему надобно, или вот кошелек украсть... Пытались. Уже четыре раза. Я решила, что раз воришкам так приспичило что-нибудь у меня взять, то я им и дала. По чернословию каждому! Пожелав почесухи, лишая, бородавочника да икотницы.

А вот этого, столичного, не трогали... То, что темный не из Мостара, было видно сразу — я за пару дней, что здесь была, подобных не встречала. Да и будь он здешним, меня бы вызывать на местный погост не стали...

И стоило только вспомнить про него, а еще про забег через могилы, случившийся прошлой ночью (причем ставкой в нем были не золотые, а моя жизнь), как мой взгляд вновь вернулся к нежити и ее наезднику, которого я, кстати, слепила из того, что на кладбище было.

А началось все, как это бывает, с несчастья. Горе утраты постигло прежнего хозяина этой великолепной гнедой, поименованной не иначе как Крулевна и некогда блиставшей на столичных скачках

Кобыла отличалась безупречной родословной, длинными сухими ногами, крепкими бабками, широкой грудью и такой резвостью, что при жизни оставляла за своим хвостом и копытами прочих соперников. Хозяин души в ней не чаял. А когда любимица отправилась на вечные пастбища, скорбел так безутешно, что не придумал ничего лучше, чем заказать за упокой ее души службу в костеле Святой Бригитты.

Духовник, не поинтересовавшись о покойной ничем, кроме имени, с превеликой радостью отслужил все положенные молебны и требы. Благо заплачено за них было столь щедро, что хватило бы на поминовение целого знатного рода.

Так и похоронили Крулевну на городском кладбище. В настоящей могиле, с надгробием, освященной землей и всеми почестями, какие полагались добропорядочному человеку, покинувшему сей бренный мир.

Причем место кобыле отвели не где-то у ограды погоста, а едва ли не в центре, под старым кленом. На него-то я рез-

во и взлетела этой ночью, когда пришлось удирать от кобылы. Так что успела при полной луне оценить и потемневшие памятники, меж которыми золотились дорожки из огненного опада, и кладбищенскую ограду, на которой поблескивали капли недавнего дождя... Эх, приедь я сюда на дней десять пораньше, зрелище было бы еще отраднее, ибо перед каждым из надгробий стояло бы по тыкве в честь ночи тыквенных же фонарей. Еще этот праздник именовали осенним поворотом, ибо приходился он аккурат на середину листопада. Считалось, что в эту пору после заката души мертвых могут вернуться из-за грани. А дабы с рассветом они ушли обратно и не заплутали по пути, у могил ставят тыквы-фонари со свечами внутри. Этакие маяки, чтобы духи не остались среди живых. Мол, погостили здесь и полно.

Конечно, молва слегка все приукрашивала, и призраки, конечно, валом не валили на погосты в ночь тыквенных фонарей, но вот дозваться в эту пору мертвых и вправду было легче. Это я как некромант, вооруженный дипломом, пессимизмом и ритуальным клинком, говорю.

К слову, может, если бы не эта ночь, коняшка бы и не восстала из могилы... А ведь несколько лет покойница, откинувшая копыта в самом прямом смысле слова, вела себя образцово. Теперь же вот начала шалить...

Да так, что клен, на который я забралась, удирая от этой нежити, трясся, точно осина на ветру. Ну а как тут не будешь дрожать, когда ствол твой быют, точно лупят тараном. Вер-

нее, двумя подкованными такими таранами.

Ибо Крулевна очень жаждала меня покатать... Причем нежить была в прошлой жизни хоть и лошадьё, но по натуре — чисто ослицей. Ибо своего добивалась с упорством ишака.

Но мои нервы были крепки. Так что я сидела на ветке и плела заклинание, дабы эту тварюгу развоплотить... Я, по описаниям бургомистра, ожидала на погосте наткнуться на жальника или мертвоходка. Ну хотя бы на вылазня. Соответственно, под них были и амулеты приготовлены, и сырец плетений.

А здесь — оказалось вот это безобразие, которое еще и ржало надо мной. А заодно колошматило ствол.

Последний, к слову, оказался хлипче психики некоторых некроманток и решил, видимо: демоны с ней, с веткой, пусть только от меня, благородного клена, отстанут. И сук подо мной обломился.

Я полетела вниз, а заклинание — в пекло! А ведь оставалось совсем чуток...

Приземлилась я на кобылу. Правда, задом наперед. А та, паразитка, и рада была... Пришлось, чтобы не свернуть себе шею, вцепиться в чужой хребет... Из единственного цензурного в эту ночь над могилами разнеслось разве что:

— Да чтоб ты сдохла!

В сердцах выкрикнула я, и лишь потом осознала: поздно! Эта гадина — уже. И я, скорее, тоже, если не буду крепко

держаться. А материлась при этом уже исключительно из душевного порыва, но зато тоже крепко!

К рассвету я могла вписать в свой послужной свиток навык объезда диких умертвий. Разбитый копытами гранитный памятник я предпочла бы в свиток не вносить, но... бургомистр мстительно внес его в смету расходов! Гад!

Этот толстяк в жупане только и умел, что пером строчить. Что запрос в столичную гильдию некромантов, дескать, просим отрядить в славный город Мостар пана мага, дабы утихомирить беспокойный погост и избавить добропорядочных горожан от творящихся там непотребств. Теперь вот урон описал, каковой причинила погосту одна темная девица. Хотя я, к слову, по виду давно уже на оную не тянула, ибо за плечами была не только академия, но и пяток лет службы на благо королевства в целом и гильдии в частности, дабы отработать стоимость учебы. Но бургомистр был хоть и жадноват, но с инстинктом самосохранения у него было все в порядке, так что теткой он меня ни разу не повеличал. Подзреваю, даже в мыслях. Вот ведьмой, заразой или стервой — наверняка.

А вот затребовать в казну Мостара все деньги, что я получила за уничтожение нечисти, в качестве возмещения ущерба этому жлобу бесстрашия хватило!

Хотя Мостар от того, что я бы не заплатила, ничуть не обеднел! Поскольку, стоит заметить, городом он был большим, богатым и торговым, а его горожане спесивы, точно

жили в столице — Варне. Хотя та была далече. Почти у границы, где короли и предпочитали держать престол, видимо, исключительно из вредности соседям-долмарцам, чтоб грозить из-за высоких зубчатых стен было поближе и посподручнее.

Вот из Варны гильдия меня-то и послала в Мостар. Да так шустро, словно не во второй город королевства, а в пекло. Разве что пинка не дали... Хотя с главы гильдии станется: чтоб, мол, тебе, пани Ружена, шибче летелось. Ибо с начальством у меня были, скажем так, взаимно непростые отношения.

Потому как некроманты предпочитали женщин употреблять по прямому постельному назначению, но никак не видеть их среди своих сотоварищей. Мол, слабый пол не силен в боях с нежитью. Хотя, как показывает практика, слабый пол — это чей-то прогнивший потолок, и не более. И уж точно не зависит сила мага от того, юбка на нем или штаны. К слову, я как поступила в академию, так в последних и ходила. В платьях особо по погостам не побегаешь.

В общем, в гильдии меня не очень жаловали и обычно отправляли в какую-нибудь драконью задницу: то в Фирсан, на другой конец страны, упокаивать шебутные могильники, то в Биворию с ее болотами, а в них — топляками. Но чаще всего — по захолустьям на три околицы.

Однако в этот раз в столице намечались празднования, что всегда устраивались через десять дней после Осеннего

поворота. Эти гулянья были поистине золотой седмицей королевства: с большими ярмарками, представлениями, казнями самых злостных преступников, маскарадами и, конечно же, скачками.

Так что столицу покидать никому не хотелось. Да, в Мостаре обещало быть тоже весело, но все же не настолько. Посему меня в срочном порядке сюда и направили. И хоть задание я выполнила, оказалась на мели.

А с учетом того, что за месяц до этого я внесла последний взнос за учебу, расплатившись с короной сполна за полученные знания, да еще и кубышку пришлось раскупорить, когда Божена написала, что матушка занемогла и потребен целитель... В общем, если теперь собрать все деньги, что у меня имелись, в кучку, получилась бы ямка.

Но лучше пусть та будет у меня и в кошеле, чем у мамы на погосте... И золото — единственное, чем я могла ей помочь, ибо темный дар исцелить не может. А в семье магом уродилась лишь я одна. Первым и единственным. Родители мной гордились. И помогали как могли... В основном добрым словом. Ибо отец был гончаром, а мать торговала его посудой на рынке. И у нее-то я научилась житейской мудрости: что можно, что нельзя и как можно, когда нельзя.

Посему после разговора с бургомистром, который то и почесывал под сукманой свое пузо, ушла с погоста, чтобы вернуться туда этим же вечером с отличной, как мне казалось, идеей. А что?

Нежить я развоплотила, обратно ее в могилу уложила, ибо бургомистр решил дело огласке не предавать и заявил, мол, раз могила паном Станиславом Журавским куплена, то он сильно осерчает, ежели захоронение разорят.

— Я отчет в гильдию все равно подам, — мстительно заявила этому жадюге.

Весь вид бургомистра дал понять, что он куда ближе с моим начальством, чем я, и отчет пани Ружены дальше мусорной корзины не уйдет.

Не иначе, этот гадоправитель (ибо гад редкостный!) был в доле с главой гильдии.

Посему я решила извлечь из их альянса пользу и намекнула, что, мол, не только начальству доложусь, но и всем желающим расскажу, кого именно похоронили на освященной земле с человеческими почестями.

— Зачем же мертвые дела ворошить... — тотчас запричитал толстяк, став куда сговорчивее. И тотчас памятник, доселе «разрушенный подчистую до самого основания», стал «слегка побитым», а мне в карман вернулась... половина денег, которые изначально пошли на штраф. Моих денег! Монеты мне вручили торжественно, заключив: — Пани Ружена, вы уж не серчайте, поутру сослепу не увидел, что беда не столь велика, как казалось...

Я подкинула на ладони пару золотых. Что ж, это лучше, чем ничего. Потому как, даже если бы подняла шум, навряд ли мне это откликнулось хоть одной гнутой медью. А посе-

му решила, что остальные деньги я добуду, если не честным трудом, то честным обманом.

Ибо раз оказалась на скачках, то грех в них не поучаствовать, только бы раздобыть свод правил и глянуть в тот.

Так что, когда вернулась на постоялый двор, где и сняла комнату, первым делом я и... уснула. Потому как эта кобыла меня сегодня загоняла! А уж потом, к полудню, протрав глаза, умылась, поела (аппетит был просто зверский из-за вычерпанного почти до дна магического резерва) и озабочилась, собственно, поиском правил участия в скачках.

Оный обнаружился на оборванном листке, что висел на столбе возле ристалища. Пункт первый на бумажухе гласил, что в забеге могут участвовать только лошади. Видимо, случались прецеденты, когда кто-то пытался выставить вместо благородного скакуна матерого волка или секача. Последний по скорости, может, и уступает скакунам, но возьмет свирепостью и клыками, просто протаранив или покалечив всех остальных, так что дойдет до финиша единственным. И потому первым.

Также за участие полагался взнос: аккурат два золотых. Ну и имелась еще парочка ограничений. Однако ничего про то, что участвовать не может дохлая лошадь, сказано не было.

Потому я отправилась к распорядителю всего мероприятия.

Пан Пжениц оказался тощеньким, словно его самого всю

жизнь держали на одном овсе: узкое, слегка лошадиное лицо украшали длинные вислые усы, на голове мужика красовалась четырехугольная красная кракуска с пером, на костлявых плечах висел суконный кафтан, явно рассчитанный на пана куда более дородного.

Как итог, я отдала Пженицу два золотых, совсем недавно возвращенных в мой карман честным вымогательством. А после отправилась к уже известной могиле, пройдя мимо памятника, который еще поутру был разбит вдребезги конскими копытами, а ныне — склеен так, что до первого дождя даже мог и простоять... И за это непотребство с меня бургомистр требовал столько денег? Да я бы заклинанием лучше все собрала, ей-боги!

Меж тем конская могила, до которой я добралась, оказалась аккуратненько зарыта. Видимо, бургомистр все-таки позаботился о повторном погребении любимицы пана Журавского, хотя меня этот толстопуз заверил, что ни-ни, вытащит лошадь за околицу. Но уже тогда я бургомистру не поверила. И не зря.

Причина такого радения мостарского головы в упокоении кобылы, скорее всего, была в том, что наверняка бывший хозяин Крулевны был очень уважаем, вот толстяк ради почетного горожанина так расстарался.

Я же лишь глянула на холмик, разрывать который, к слову, вовсе не собиралась. Это адепты в академии все больше заступом в поте лица работают, пытаюсь докопаться до како-

го-нибудь практического пособия, а то и зачета. Опытному же некроманту лопата ни к чему: правильно сплетенное закливание уходило в землю, пробуждало нежить и заставляло ту самоэксгумироваться.

Вот и сейчас, стоило мне завершить плетение и направить то в могилу, как не прошло и дюжины ударов сердца, а я уже ощутила отклик силы. И почти тотчас свежий холмик вздыбился, из него показался череп. Следом — костлявая шея, передние ноги и, наконец, вся остальная кобыла.

Крулевна гордо вскинула череп, встряхнулась, рассыпав вокруг себя комья земли и куски полуистлевшей плоти, и ехидно заржала.

— Я тоже тебя рада видеть, — усмехнулась я. — Ужасно выглядишь. Соскучилась?

В ответ кобыла клацнула зубами.

— Урою, — вкрадчиво пообещала я. Кобыла глянула на могилу, из которой только что выбралась, потом на меня и, не обнаружив рядом лопаты, фыркнула. Мол, ну-ну, попробуй. — И развоплощу, так что в скачках больше не сможешь участвовать... — добавила многозначительно.

Кобыла дернула остатком уха. Заинтересованно так... дескать, темная, тебе вчера правда понравилось?

Я же глянула на свою темную лошадку... Вчера сначала как-то не было времени рассматривать эту паразитку, она бесновалась, а после — уже не было сил. А вот сейчас, когда нежить была уже послушна моей воле, можно было и полю-

боваться... И было чем. Корпус был в обрывках истлевшей плоти, которая начала кое-где отходить от кости.

Я-то была к этому зрелищу привычна, как и к запаху. Но на забеге найдутся же эстеты, которые заявят, что кобыла должна быть вычищена... Что ж, придется и мою нежить привести в порядок. Очищающее заклинание работало долго. Куда поболее, чем Крулевна выбиралась из могилы. Но по итогу все, что было тленно, осыпалось прахом. Оставив передо мной вполне отполированные, аж до сахарной белизны кости. Можно было сказать, что моя лошадь — чиста как первый снег. Ну и нага до последнего мускула.

Крулевна снова гордо потрясла черепом с видом: «Ну, чего стоишь, колдовка, полезай, прокачу с ветерком».

— Нет уж, спасибо, — протянула я, ибо впечатлений от галопа на этой конюге мне уже на всю жизнь хватило. — Но всадник для завтрашних... — тут в мою речь вмешался колокол, который пробил вдалеке, на ратуше, ровно двенадцать раз, ознаменовав тем начало нового дня. Так что пришлось слегка исправиться: — ...сегодняшних скачек тебе всяко нужен.

Крулевна фыркнула, мол, я опытная и призовая, и без наездников могу обойтись. И я в это верила. А вот устроители забегов — нет. Потому в уставе скачек, листочек с которым я предусмотрительно содрала со столба, было и такое условие, про наличие седока.

А значит, оставалось раздобыть подходящего. Правда, за

ним идти далеко не пришлось: всего-то полпогоста. Вообще-то, я искала заброшенную могилу какого-нибудь бродяги, ибо покой честных граждан (будь они живы, а особенно — мертвы, тревожить не следует, и опять же правила об этом говорили, но уже гильдии). Одним словом, шла я по погосту, шла и... набрела на одинокую тыкву.

Видимо, фонарь, оставшийся после Осеннего поворота, так никто и не удосужился забрать. Бахча уже слегка сморщилась, но вырезанная на ней зубастая ухмылка по-прежнему выглядела вполне жизнерадостно. Особенно для кладбища.

— Ты чей? — подняв рыжего и бокатого пузана, спросила я. Тот, конечно, не отозвался, но меня это не остановило. В принципе, человека от хорошего разговора мало что может отвлечь. Порой даже смерть. Это я, как некромантка, говорю... а уж безмолвие собеседника — и тем паче. Так что продолжила: — Ну, раз ничей — мой будешь!

За сим прихватила тыкву под мышку и потопала с ней до забора, где и насадила эту рыжину на дын, выломанный из старой ограды. К нему же приладила руки и ноги из подвернувшихся под руку палок. В общем, сотворила!

Зато точно мертвозащитники не придерутся. Никакого надругательства над покоем усопших. Только над психикой живых. Ибо бахчевый, восседающий на скелете лошади, вышел зрелищем не для слабонервных.

На то, чтобы мой тыкванутый наездник обрел подобие жизни, я и угрохала разом остатки ночи и резерва. Но оно того стоило. Правда, не поняла, куда в эту бокатость столько силы вошло? В Крулевну — и то меньше...

Но да главное, чтобы все было не зря.

— Будешь пан Тыква, — постановила я, оглядев творение, не став морочить голову с имянаречением. — И учти, ты должен продержаться в седле до финиша. Целиком! — последнее уточнение было не излишне, поскольку этот любопытный недоголем (хорошо, что мой бывший профессор артефакторики этого не видит!) попытался отломать себе сушок на руке, словно он мешал этому бахчовому эстету.

Пан Тыква так рьяно кивнул, что чуть голову свою не потерял. М-да, связующий контур стоило бы укрепить...

Задумано — сделано. Правда, на это ушли последние силы. А над кладбищем меж тем розовые предрассветные сумерки сменились полноценным утром, какое бывает в середине осени: светлым, с легким морозцем, от которого изо рта шел пар, и инеем, посеребрившим жухлую траву и золотой опад.

Лошадь, которой уже не терпелось пронестись быстрее

ветра по полю, едва не пританцовывала на месте.

— А твоя задача — прийти первой, поняла? — на всякий случай еще раз напомнила я.

Ответом мне стало уничижительное фырканье (если считать за таковое сухой костяной треск) в духе: не учи дракона летать, а кобылу скакать.

Я же глянула на поднимавшийся над этим миром день и поняла: ложиться спать уже поздно. Пара ударов колокола — и начнутся скачки. Так что стоит отправиться сразу на них. Ножками. Потому как лезть добровольно на эту скелетистую страхость как-то не тянуло. Пусть сейчас она и подчинялась мне.

Глава 2

Распорядитель же при виде Крулевны побледнел, при виде пана Тыквы позеленел, а затем попытался заявить, что подобное безобразие к участию допустить никак невозможно.

— Почему? — осведомилась я, разворачивая перед ним тот самый листок. — Взнос уплачен? Уплачен. Лошадь записана? Записана. Где здесь сказано, что она не должна быть дохлой?

Взгляд пана забегал по строкам. И, судя по выражению лица Пженица, он с радостью бы сожрал эту бумаженцию, если бы только позволили.

Но кобыла бдела и клацала зубами. Тыкванутый всадник всем своим видом тоже давал понять, что не потерпит притеснения по мертвому признаку.

— Но ведь это... это...

— Правила надо четче формулировать, — посоветовала я пану.

«Непременно», — ответил без слов взгляд мужика, но он, скрипя зубами и мелом, таки вывел на доске со ставками перед именем моей лошади слово «Дохлая», видимо, в качестве предупреждения тем, кто решит на нее держать заклад, а после послал нас. Правда, не туда, куда ему бы хотелось, а к месту старта.

Может, пан Пженица так просто не сдался бы, знай, что

при жизни Дохлая Крулевна была многократным призером. Ведь обычно лошадиная нежить, которой управляли некроманты, была тупа и медлительна. Но здесь дело было не только в маге... Просто обычно поднимали каких-нибудь старых кляч, которые и при жизни рысиками не являлись. А после смерти даже бегали резвее... к тому же влияло и то, насколько туго затянуты силовые нити в управляющих узлах. Чем строже ограничения, тем хуже движения. Крулевны я ограничила лишь по минимуму. Пусть она после смерти еще раз галопу порадует. А я — деньгам, которые принесет ее победа.

И та случилась! Крулевна звание призовой лошади, оправдала даже посмертно и первой пересекла финишную черту под крики (по большей части негодующие) тех, кто на дохлую лошадь не ставил.

Я же, радостная до невозможности, двинулась за выигравшим.

Вот только, подходя к своим призерам — одному тыкванутому, а другой костлявой, — едва не сшибла девчущку. Маленькая, лет семи или восьми, белокурая, с круглым личиком и голубыми глазами, в поношенном платице, она выглядела сущим чумазым одуванчиком. Стояла как зачарованная и во все глаза таращилась на костлявую лошадь и пана Тыкву на ней. Небось впервые видела ожившее пугало. И сейчас не могла определиться: бояться ей или дивиться. Похоже, все же второе...

— Осторожнее, панночка, — предупредила я, обходя малую, и поспешила к нему. Моему дорогому, желанному, долгожданному, любимому... Выигрышу!

Правда, просто так мне его отдавать не пожелали: панностроитель скачек решил поартачиться, но перед обаянием Крулевны, что пошла следом за мной, и ее зубами не устоял. Увесистый кошель упал-таки мне в руку. Та приятно потяжелела, и я не удержалась — чуть ослабила горловину и глянула внутрь. Здесь явно было поболее, чем два золотых. Да что там взнос! Мой гонорар за упокоевание нежити на мошарском погосте и рядом не лежал. Сумма была куда как приятнее!

Вот теперь можно было и за маму порадоваться, и за себя. Глядишь, еще и на оплату съемной комнаты на пару месяцев вперед останется.

И тут... Какого пекла?!

Ощутила, как на плечо легла мужская рука. И даже не нужно было поворачиваться, чтобы понять, кто стоит за спиной. Потому что его тьму я уже почувствовала. Та нежно коснулась меня, словно гладя. И от нее даже шарахнуться не хотелось. А вот от ее хозяина — еще как!

Я резко обернулась, поведя плечом так, что длань, лежавшая на нем, разжалась и исчезла. Будут меня тут еще всякие темные типы пытаться удержать. И точно — передо мной стоял тот самый чародей, которого я еще недавно лицезрела возле шляхетской хоругви.

И первой моей мыслью было: он что, проверяющий какой? Так я ни на чем проколоться не успела...

— У вас, пани, отличная лошадь, — произнес незнакомец и посмотрел так пристально, что я поняла: для меня его глаза и голос разом — слишком много. Потому захотелось на миг прикрыть ресницы, ибо глубокий бархат интонации казался более безопасным, что ли...

Но я не позволила себе этой слабости и упрямо и открыто глянула на серую сталь во взоре темного.

— Пан знает толк в скакунах и скелетах, — отозвалась я и сама поморщилась от того, как вышло. Кажется, мой голос сегодня всю ночь не читал заклинание и не бранился на строптивую Крулевну, а разгружал телеги с шепотом, не иначе.

— Пан знает толк в некромантах, — в тон мне, не спеша назваться, ответил этот темный... Хотя нет, просто «темный» для той силы, что разлилась вокруг нас, заставив людей вокруг расступиться, было маловато. Цельный Мрак, не иначе. А чародей меж тем продолжил: — И сейчас вы, пани, меня заинтересовали...

— Правда? — усмехнулась я и вскинула бровь, давая всем своим видом понять, что да-да, поверила. С учетом того, что от меня слегка несло мертвечиной, глаза наверняка были красными после бессонной ночи, а волосы, вчера заплетенные в две темные косы, — растрепанными почище, чем у иного пугала.

— Как профессионал, — пояснил Мрак.

Я делано печально вздохнула, мол, а я-то размечталась...

— Да вам и самому пан... — здесь я многозначительно замолчала, намекая, что пора бы и представиться. А то как за плечо хватать — так он горазд, а как имя узнавать — так пытаться приходится, как величать.

— Мстислав, — коротко бросил маг.

— Значит, пан Мстислав, вы ведь чародей и тоже темного дару, — протянула я, выразительно намекнув, что его силу чую. — Зачем вам я?

— Затем, что я нечисть и нежить изничтожаю, а не поднимаю.

От этой одной-единственной фразы я дернула глазом. Потому как тех, кто развоплощает творения тьмы, в королевстве было по пальцам перечесть. И звали их королевскими клинками. Еще в народе ходила молва: у владыки одна тень, что охраняет его покой, дюжина клинков, что бережет всю страну от темных напастей, и сотни тысяч щитов, что стоят на страже границ.

Значит, этот Мстислав был из той самой дюжины, что истребляет нечисть, которая не по силам простым магам.

И угораздило же меня на него напороться. Лучше бы на жальника кладбищенского с выводком, честное слово. От того хоть избавиться тяжело (помню, как эта тварь меня едва к праотцам не отправила), но можно. А от этого Мрака — навряд ли получится. Наверняка до меня самые матерые бес-

тии королевства пытались, а он вон — живой, стоит, смотрит то на меня, то на Крулевну...

— А сейчас мне требуется именно второе, — меж тем продолжил чародей. — И, судя по тому, как выглядит ваша кобыла, пани, я полагаю, у вас это получится лучше, чем у меня. Так что я хотел бы предложить вам одно... дельце.

То, как темный сказал последнее слово, мне не понравилось. Был в нем намек этакий... противозаконный, что ли. А ведь я и со скачками по самой кромке прошла, но не нарушила и не попалась. Хотя в последнем были сомнения, ибо я увидела, как через толпу, энергично работая локтями, продирался дородный пан с багрово-румяными щеками и роскошными усами, чьи кончики были так лихо закручены кверху, точно у ройского хруща. Дорогой жупан туго обтягивал его внушительное брюхо, а на груди покачивалась тяжелая золотая цепь.

Пан спешил, рассекая толпу, что челн стремнину осенней воды. За ним следом по образовавшейся широкой людской полынье торопливо семенил бургомистр, с которым мы намеренно занимались взаимным вымогательством на погосте.

— Пан Журавский! — надрывался он, пытаясь поспеть за дородным господином. — Пан Станислав! Да погодите же вы!

И отчего-то вмиг не осталось сомнений, что это тот самый Журавский, из-за которого я не так давно чуть шею не свернула, объезжая скотское (ибо скотина же, не человек) умерт-

вие.

К слову, о последнем: Крулевна, завидев бывшего хозяина, сделала свечку и... задала стрекача. Не совсем без моей помощи: все же импульс силы я своей нежити послала, а с ним — и ее подальше. Но, кажется, и сама кобыла была не против сделать копыта прочь отсюда. Не иначе, прижизненная любовь хозяина к своей чемпионке была с душком...

Но мне некогда было размышлять об этом. Я лишь увидела, как копыта застучали по утоптанной, точно ток, земле, пан Тыква пригнулся, и... костляво-бахчевая парочка понеслась прочь. На пути обнаружилась ограда из горизонтальных жердей, укрепленных между столбами.

Живой лошади такой прыжок после забега мог бы быть и не по силам. Ибо не двужильная же она. У Крулевны этих самых жил не было вовсе. А еще мышц, плоти и прочей требухи, а с ними — и лишнего веса. Зато характера — в избытке.

Посему скелетистая перемахнула через жерди с такой легкостью, словно всю жизнь, вернее смерть, только этим и занималась. Пан Тыква чудом удержался в седле, мотнув своей бокатой рыжиной напоследок, а затем оба помчали в лесок, в котором и скрылись. — Это... — выдохнул пан Журавский оторопело, застыв посреди толпы. — Это как так?..

А вот теперь мне стоило дать деру. Только я забыла об одном Мстиславе, чтоб его, который поймал меня за руку.
— Куда, пани?

Вот ведь... С таким грузом далеко не уйдешь, если он

останется стоять на месте или не отпустит. Второе было маловероятно, так что пришлось эту гирю тащить. Вернее, ма- нить словами:

— Знаете, пан Мстислав, — выдохнула я и улыбнулась Мраку настолько любезно, насколько вообще могла с учетом, что меня могут схватить, — мужчины редко делают мне предложения, и я, пожалуй, его даже приму, если оно закон- но и хорошо оплачиваемо...

Протараторила я, но договорить «но обговорить детали стоит в другом месте» не успела. Темный меня перебил:

— Пани, вам не кажется, что одно часто противоречит другому? — хмыкнул чародей.

— Обсудим в корчме, — выдохнула я и решительно пота- щила типа за собой. Нужно было убираться отсюда, пока все еще тарасившийся вслед Крулевне бывший хозяин не опом- нился. Причем уходить желательно было не так зрелищно, как моя нежить.

Вот только если у меня выходило не привлекать внима- ния, протискиваясь сквозь толпу, то Мрак...

Этого высокого, широкоплечего чародея в червоном жу- пане было наверняка видать издалека. Потому я решила: от- вод глаз не помешает. И накинула тот. Правда, с этим заклинанием в тебя врежется каждый встречный-поперечный. Но не сегодня.

Спустя десяток шагов Мстислав как-то незаметно оказал- ся впереди и... ни один из зевак на него не налетел. А сам

чародей двигался с грацией барса, перед которым люди просто расступались, не удостоивая взглядом, а спустя мгновение вновь смыкались за нашими спинами.

Так, под отводом глаз, мы и вышли из толпы к коновязи, где среди прочих пегих и каурых оказался и гнедой жеребец темного.

Взяв коня под уздцы, чародей последовал за мной сначала до городской стены, за которую уже давно начали выбираться не только устроители скачек, но и целые кварталы. Хм, если все продолжится в том же духе, через сотню-другую лет Мостар, что внутри стен, будет зваться не иначе Стари Град, а тот, что за ними, — Нови.

С такими мыслями я и прошла вместе с темным и его жеребцом, никем не замеченная, через ворота, и наша троица двинулась вверх по улице, где, судя по запахам, была гильдия пекарей. Затем мы миновали горбатый мост и наконец добрались до корчмы, где и оставили гнедого у коновязи.

Заведение было из тех, куда приличные паны обычно не заглядывают. Зато здесь не задавали лишних вопросов, подавали горячую (а главное — сносную!) еду, а в кружке были не поденки, что остались от других посетителей, а вполне годный ядреный пелинковец, глоток которого пробирал сразу до печеник и враз согревал после стылой кладбищенской ночи. Только его я заказывать не стала: голова для этого долгого и непростого разговора должна была остаться ясной. А на то, что беседа будет нелегкой, намекал весь вид Мсти-

слава, чтоб его, чародея.

— Чего изволите, панство? — меж тем поинтересовалась подошедшая подавальщица, вытирая руки о передник.

Девушка была ладная, румяная, с туго заплетенной косой и такой пышной грудью, которая могла вскормить даже самые смелые мужские мечты и надежды.

— А что есть? — поинтересовался Мстислав, который лишь мазнул по подавальщице взглядом и перевел тот на меня. Но, кажется, девушка такой реакции была даже рада и сделала шаг в сторону от чародея. Что ж... тьма она такая — не все ее выносят.

— Есть журек с колбасками, бигос со свининой, жаркое из кабанятины, гречневая каша со шкварками, пироги с капустой и грибами, — бойко перечислила меж тем девушка уже мне. — Еще фляки остались. А ежели панство чего выпить надобно, сбитень есть, медовуха и пелинковец. Последний нынче особенно хорош!

— А что из этого у вас самое свежее? — осведомился Мстислав.

Уголок рта подавальщицы едва заметно дернулся, и она сделала еще шаг назад. Мне в этот миг даже стало жаль чародея: с его-то силищей — и ни сисек толком, ни пожрать нормально. Причем, похоже, всегда.

— У нас все свежее! — поджав губы, отозвалась девушка. Я благоразумно промолчала. А что, если в мясе или каше зародилась новая жизнь — то можно утверждать, что блюдо

свежайшее. Вон в тарелке даже не все еще умерло.

— Тогда жаркое из кабанятины, пироги с грибами и сбитень, — распорядился Мрак. — На двоих.

— А мне еще журек, — поспешно добавила я, ибо горячего супчика хотелось до жути. И даже было относительно плевать, что будет в миске плавать, если недавно оно кипело в котле.

— Полсребра за все, — протараторила подавальщица. И как только деньги оказались на столе, она подхватила монеты, и ее и след простыл.

Хотя стоит заметить: девица держалась стойко, правда, подле меня, но все же. А вот я сама особого давления мрака не ощущала. Ну был и был. Вон даже к ногам ластился, растекался по половицам, незримый для простых людей, — да и только. Видно, оттого, что я сама была темной масти. Всех вокруг пугало, но не меня. Впрочем, несмотря на то, что подавальщица страшилась Мстислава, вернулась она быстро с миской каленых орешков, которую поставила перед нами. Видимо, страх — страхом, а надежда на еще пару дополнительных медяков от щедрого пана (да-да, я горстку денег оценила, и в той было чутка поболее, чем полсребра) была сильнее.

Как только девица удалилась, Мстислав сложил руки перед собой на столе в замок и произнес:

— Итак, вернемся к моему предложению.

— Вернемся, — согласилась я, придвигая к себе миску.

— Только начнем с того, сколько вы готовы заплатить, пан чародей...

— А разве не разумнее сначала узнать, что требуется сделать? — вскинув темную бровь, произнес темный.

— Разумнее, — признала я, выбирая орешек покрупнее. — Но не настолько интересно.

Мрак вновь едва заметно улыбнулся и, не став ходить вокруг да около, назвал цену:

— Сто золотых.

Я на это мысленно присвистнула. За такие деньги обычно не поднять кого-то нужно, а наоборот в гроб уложить, перед этим прикончив.

— И что за это нужно сделать? Только в рамках закона, — тоном «скажи, что нужно уметь, и дай мне пару ударов колокола» протянула я.

— Исключительно в рамках закона, — усмехнулся чародей, давая понять, что ни демона оно не так, но приличные преступники о таком не говорят вслух, и продолжил: — Мне потребуется некромант. Опытный и способный не только упокоить нежить, но и поднять ее, сохранив достаточно свободы и разума, дабы она могла действовать самостоятельно. Как ваша лошадь, пани. К слову, как ваше имя?

— Ружена, — выдохнула я, понимая, что, кажется, все же, если не нужно покушаться на короля или организовывать переворот, — соглашусь. Ибо это было жалованье в гильдии за два года. — И вы решили поискать такого специалиста на

скачках?

— Не искал, случайно зашел на них и... Нежданно-негаданно, но нашел, — меж тем отозвался чародей.

Я мысленно фыркнула над этим «нежданно-негаданно», потому как иначе и не скажешь. А дело все в том, что некромантов в королевстве вообще было не сказать чтобы так уж и много. А уж хороших — и того меньше. В Мостаре же сейчас я, похоже, и являлась единственной. Иначе с какой радости бургомистр стал бы писать в столичную гильдию, моля прислать кого-нибудь для умирения местного погоста?

Правда, оставался вопрос, зачем некромант понадобился одному из дюжины королевских клинков.

— А кого же требуется поднять? — поинтересовалась я.

Темный на этот раз помедлил с ответом, а после начал издаലെка:

— Пять лет назад неподалеку от Мостара произошло нападение на королевского люстратора, пана Яромира Вержбицкого, — произнес темный. — Он возвращался в столицу после ревизии в королевском остроге, где незадолго до этого обрушились стены.

Об этой истории я слышала, когда училась на последнем курсе. Еще бы! Вся столица обсуждала новость, что под завалами погибли несколько сотен человек. И ладно бы только заключенные — их сплетникам было не жаль. Но и стражники, и простые работники, кухари да мастеровые — всех погребли под собой стены, сложившиеся точно карточный

домик. А поговаривают, случилось это оттого, что не на том месте поставили острог. Под ним там протекала подземная река, она-то и подмыла фундамент. Помнится, тогда осудили зодчего...

— Вержбицкий в ту пору как раз закончил ревизию и направлялся с отчетом в столицу. Но до Варны так и не добрался: на него напал пекельный гончий. Произошло это на тракте неподалеку от Мостара. Вержбицкий был родом из здешних мест. Видимо, хотел заехать к родным, раз случилась такая оказия. С люстратором было несколько попутчиков, тоже из местных. Никто не выжил.

— И все стали добычей гончего? — уточнила я, помрачнев.

Эту тварь я встречала лишь единожды. В учебнике по высшей нежити. В разделе «Крайне редкие и опасные виды» с пометкой «происхождение не выяснено», и более в жизни своей эту пакость лицезреть не желала. Ибо обычная нечисть после нападения оставляет хотя бы покойника, которого при известном умении можно расспросить. А эта сволочь способна сожрать не только плоть, но и душу.

Люстратор не стал исключением.

— Тогда это дело поручили пану Бжицу, что был в то время королевским клинком, правда уже в преклонных летах и слаб здоровьем. Он прибыл в Мостар вместе со своим помощником, чтобы разобраться во всем. Да занемог. Посему, после того, как провел обряд и убедился, что души люстра-

тора за гранью нет, и вовсе слег. Видимо, ритуал забрал последние силы Бжица... Так что он отправил в столицу письмо с отчетом, что это и вправду был пекельный гончий, который пожрал душу люстратора, после чего и помер... Поэтому поисками гончего занялся его помощник, Богумил Радович.

— Тот самый Радович? — переспросила я с удивлением. Ибо имя было известное. Еще в академии о его подвиге рассказывали с таким придыханием, словно пан Богумил не нежить изничтожил, а лично пекло замуровал, чтоб из него ни один демон не вылез.

— Тот самый, — подтвердил Мстислав. — Он выследил гончего и уничтожил. После чего представил доклад племяннику Его Величества, который наблюдал за расследованием. За проявленную отвагу Радовича пожаловали в королевские клинки, несмотря на то, что дар пан имел средний, но отвагу — немалую. Радович занял место своего наставника, Бжица...

— Но все это было пять лет назад, — напомнила я.

И в этот момент с подносом к нашему столику подошла подавальщица, которая, шустро сгрузив все миски, поспешила удалиться. А передо мной возник журек. Ароматный, горячий и такой соблазнительный, как сам плотский грех, который просто нельзя игнорировать. И я не стала, зачерпнув ложку супа и зажмурившись от удовольствия. М-м-м, как долго я тебя ждала! Всю ночь, не меньше!

Правда, кое-кто меня тоже... ждал. Выразительно так. По-

сему со второй ложкой пришлось обождать: лишь вздохнула и заметила:

— Но это все произошло давно...

И хоть как ни старалась, а сварливый тон «я-то здесь причем» прорезался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.